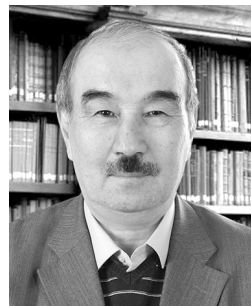

Аслан

Жаксылыков

ПРОСВЕТЛЕНИЕ АХМЕДА ЯССАВИ

Древний город Яссы – один из десятка таких же в Отрарском оазисе: в центре цитадель, мечеть, медресе, обширная базарная площадь, несколько дворцов, богатый квартал, караван-сарай на четырех въездах по четырем сторонам света, серой россыпью лачуги бедняков, ремесленников, другого служивого люда. Днем над городом, как всегда, густой рев верблюдов, лай собак, вопли ишаков, скрип арб, разноязыкий говор и гомон базарной толпы, ночью – огромная вселенская луна над минаретами, неумолчная безграничная симфония цикад.

У Ахмеда обыкновение – спать во дворе под старым раскидистым урюком. Мальчику 7 лет от роду. Сны – сказки. Семь небес невидимо высятся над головой. Семь миров мрак за мраком клубятся под землей. Ночью урючина, как космическое дерево, на ветвях которого зреют звезды и луна. Луна. Одинокое бессонное светило. Шелест и дыхание дерева. Слезы и звезды дрожат в глазах мальчика. Отец и мать давным-давно в земле в могильных и непробудных грезах, в невозвратном полете к иным берегам.

Коке назвал тебя Ахмедом. Детство, словно кем-то взалехб рассказанное. Стремительные многоцветные табуны – дни, и протяжные сны – призраки, будто поведенные старым урюком. Весной урючина колышется розовым благоуханным облаком, Мальчик насквозь пропитан запахом меда и озвучен жужжанием пчел. В зените лета спелые плоды летят, как будто сорвавшись со звезд. Всю ночь сквозь сон слышится глухой стук, и кажется, будто некто из вечности прибрел-таки к твоему окну и неспешно постукивает: «Пора! Пора!».

Весна. Розовая дрема урючины, крылатые сны и предчувствие встречи в сердце. Ночь клубится вселенским маетным деревом. Листва и звезды и шепчут, и шелестят над головой. Луна и спелые плоды на излете. Штрихи и тени сквозь лунный свет. Звездная глубь и свет предчувствия. Ночь, объятая шорохом, шепотом, шелестом, и призрачный стук сквозь вечность.

Вот утро ворвалось во двор веселым жеребенком. Кувыркается и восторженно скачет молодое яркое солнце. «Я сейчас, я скоро...», – спросонок бормочет мальчик. Минута истомы, затем Ахмед вскакивает и бежит к арыку. Омовение, намаз, как учил коке. Апке Гаухар-Шахназ смеется, щекочет, прижимает к груди, сует теплую тандырную лепешку, норовит поцеловать. Куда там! Ноги в нетерпении елозят, так и ходят скоком. И солнце такое горячее, большое, смешное. Ахмед!!! – запела стайка друзей за дувалом. И вот уже в неустанном беге двор

круто развернулся, пошел крениться, качаясь, распахиваясь; набежала, дыша, волнуясь, овеявая ветром улица. Затопала земля, запрыгали дома, стены, заборы. Опрокинулась назад в неоглядность улица и... Ай!.. Налетел, плеснулся, ударил в глаза тугой сине-зеленой степной оком. Задрожал, затрепетал воздух, стреляя лучами из лука горизонта. Где-то вдалеке гуськом скачут всадники, глухо вторит земля. Гуляет ветер. Заходятся волнами высокие с отливом травы, падают скошенные валом и вновь отдаленным кругом возвращаются в захватывающем душу подъеме. Кружится голова. Ах, жизнь! Синий взгляд реки. Доброе зовущее небо. Купающиеся в полете и пении птицы. И сердце стучит, зовет куда-то. Опять набежала околица, понесла околицу, прыгая, колотя в подошвы ребятишек. Зашелестела, зашуршала, вздымающимся ливнем заплескалась трава. До самого горизонта так и ходят волны зарослей, уносят трепетную душу.

Вновь окраина; сторожевой пост у южных ворот, сердитые крики сарбазов отпихивали от бега мальчишек и канули прочь. Ребята прибавили ходу. И опять гулом земля. Полого качнулся навстречу холм, подхватил, понес к небу, вершина кружилась, струилась, гулко пела, порывалась вслед за кочующими просторами. Бесконечность за бесконечностью, перевал за перевалом, глубь за глубиью, даль за далью... Стайка ребятишек на холме под громадным синим куполом неба и предчувствие неведомого в сердце.

Ринулась навстречу улица, звонко взорвалась лаем собак; рыжая крутящаяся веселая пыль, надменные морды верблюдов, дувалы, дувалы, стены, глиняные лабиринты, заманившие вечность, и все те же лица, все те же сонные глаза, что и миллиард лет назад. Из-за поворота плавно выросла навстречу мечеть, развернулась и выписалась затейливым орнаментом, переливом, перепевом карнизов, уступов, выступов, башенок, куполов и внезапно ринулась вверх в ослепительную голубизну стремительным неустойчивым минаретом. Мальчишки замерли, разинув рты, – попадали тубетейки с бритых затылков. Голуби врассыпную, почудилось, урюк облетает лепестками. Хлопот, хлопанье крыльев. И восторженная улыбка ребят.

Базарная площадь – главная цель путешествия мальчишек. Базар – это воплощенный мир, вселенная, прикочевавшая к тебе. Бесконечность, неизвестность, загадочность, тайна олицетворились в шумной многоязычной толпе, в океанической сутолоке и толкотне, в поражающих слух резких выкриках, в переливах ликов, как будто несомых одной силой, в жарком споре и азарте лезущих из орбит глаз, в неугомонной работе, колготне языков, гортаней, голосовых связок, в блеске, сиянии, многоцветном цветении предметов и товаров из самых разных стран и даже из других миров. Базар! Глазастые персы с крашенными и завитыми бородами, арабы в белых накидках с черными, будто ночь, очами, румийцы с отрешенными лицами, суетливые со странной балаболящей речью китайцы, радужные потоки шелка в их быстрых руках, коренастые и щекастые монголы, взгляды, словно настоженные стрелы.

Базар. Диковинные предметы. Невиданные люди, несслыханные вести и слухи. И животные, от вида которых кругом идет голова, например, индийский слон. Есть от чего замереть в обморочном восхищении мальчишке.

И вот молния за горизонтом – мгновение судьбы! Ахмеду почудилось, что минарет незримо отделился от мечети, прозрачно перелился, воплотился в высоченного человека и уставился на него жгучими пронзительными глазами. Да!.. Словно туранский тополь туранга, необыкновенно высок и статен был человек

в выцветшем дорожном халате. Он пристально смотрел на Ахмеда, а тот, в свою очередь, на него. Ахмед был будто оглушен чем-то. Нечто неизъяснимое исподволь сиянием ночи вошло в него, вспышкой, зарницей осветило безотчетную память, уплотнило, остановило время и как будто невидимой стеной отделило их обоих, мальчика и путника, от толпы, от шума и гама базара. В какой-то странной истоме Ахмед открыл рот. Так и стоял он, пораженный удивлением, с разинутым ртом.

С виду он был обычный аульный сорванец, каких несчетное множество в восточных кишлаках и городах. Однако в ту минуту замерли тысячелетия. Вечность как бы взглянула на это мгновение – мгновение, которое почувствовали только два человека. Путник, им был шейх Арстан-баб, вздрогнул, как будто приходя в себя, направился к мальчику и со словами «Шукур Алла», вложил в открытый рот мальчика высохшую косточку хурмы. Затем Арстан-баб тяжело опустился на колени и благоговейно поцеловал землю у ног Ахмеда.

Через многие годы, озаренный своей многолетней медитацией в подземной келье, не одну поэму посвятит Ходжа Ахмед Яссави тому самому поразительному мгновению встречи с учителем и вестником. Так одна за другой появятся на свет 145 поэм просветления дервиша «Диуани хикмет». Арстан-баб и Ахмед Яссави из одного рода шейхов, ведущих свою родословную от Хазрета Али, сподвижника и зятя пророка Мухаммада. В мусульманских странах бытует до сих пор легенда о том, что, умирая, пророк передал дочери Фатиме косточку хурмы со словами, что этот *аманат* должен быть отдан святому по имени Ахмад, который когда-нибудь объявится на Востоке. Народ считает, что это было сделано шейхом Арстан-бабом. Многие мусульмане также считают, что об Ахмаде предсказывал и Иисус (от Иоанна 14: 16-17). На родном языке Иисуса (видимо, арамейском), Утешитель должно звучать как Ахмад. Интересно, что имя Мухаммад также содержит тот же смысл.

Во всяком случае, народное восприятие уловило некую связь между предсказанием Иисуса и именами Мухаммада и Ахмеда Яссави.

Ахмед Яссави вступил на путь духовного развития в семилетнем возрасте. Обрел учителя, шейха Арстан-баба, и вскоре потерял его. Арстан-баб умирает, выполнив свою основную миссию – передать то, что должен был передать. Ахмед был потрясен потерей. Впоследствии он напишет в «Хикметах», что во время *жаназы* (упокойной молитвы) по Арстан-бабу к телу шейха явились тысячи сияющих существ, они вознесли освобожденную душу в небеса.

Об Ахмаде Яссави до нас дошли чрезвычайно скудные сведения. Мы мало что знаем о социальной стороне жизни святого. Видимо, он проходил традиционный путь суфия: странствия, поиски учителя, паломничество-хадж, обучение в наиболее прославленных медресе, возвращение на родину – место основной миссии – Туркестан.

Средняя Азия бурлила. Огузы и славяне сокрушили Хазарию. В свою очередь огузы потерпели поражение в войне с кипчаками. Затем каракитаи хлынули в Центральную Азию. Огузы уходят на Ближний Восток и Закавказье. Тюрки начинают доминировать в Халифате. Махмуд Кашгари создает энциклопедию о тюркской культуре «Диван лугат ат тюрк». Юсуф Баласагуни являет свету свод поэм «Кутат-гу билик». Арабы заинтересованно изучают тюркскую цивилизацию. Суфийские миссионерские ордена все глубже погружаются в восточный языческий мир.

Основным материалом по изучению жизни Ахмеда Яссави служат «Поэмы дервиша» – «Хикметы». В этих удивительных поэмах святой описал свой путь

от встречи с Арстан-бабом до того дня, когда он пожилым человеком дал обет не выходить на дневной свет из подземной мечети. В возрасте 63 года святой спустился в подземную келью и одиннадцать лет провел в непрерывной сидячей медитации, пока однажды во вспышке ослепительного света душа не извела блаженства полного просветления.

Просветление – *Хак!* – завершает всю многолетнюю эволюцию в суфизме. В *Хакикате* как в кульминации смыкаются *шаригат* (самообуздание, этика), *тарикат* (познание, самосовершенствование), *марифат* (изощрение интуиции, мистицизм). Просветление похоже на вспышку молнии, вспышку, которая не прекращается, продолжает сиять над дальнейшей жизнью того, кто некогда был личностью, субъектом. Одновременно это беспричинное блаженство, глубочайшее интуитивное понимание жизни как целостности, видение Истины как тотального всеведения, огромная непрекращающаяся духовная энергия и воля в служении всем живым существам, полное отсутствие страха и эгоистического беспокойства о себе. Даже как нечто необходимое рассматриваются трудности, заблуждения, муки продвижения по Пути, ибо все это, в конечном счете, подлинное, невыдуманное просветление.

Суфизм – это активная система. Настоящего суфия характеризуют напряженные поиски Истины, энциклопедический интеллектуализм, склонность к глубоким созерцаниям и размышлениям, интенсивная психологическая практика, экстатичность внутренней жизни, способность к пешим странствиям, суровым обетам, к великим жертвам, любовь к сущему до полного самозабвения, кротость, веротерпимость. В суфийские практики входят различные медитации, медитативные танцы, дыхательные упражнения, концентрация и релаксация, катарсические техники и т. д. Суфии обычно знают различные языки, философские направления, религии, научные дисциплины. Они, как правило, владеют тем или иным искусством. Большинство известных нам суфиев были творческими подвижниками: поэтами, художниками, музыкантами, философами, астрономами, государственными деятелями. Ахмед Яссави был крупнейшим поэтом, философом, основателем ордена Яссавия. Всежизненным подвижническим трудом проложил он путь к просветлению. Когда шейх достиг возраста пророка (63 года), его уже знали во многих странах как великого святого. И стар, и млад, и простые люди, и знатные из многих городов и стран спешили к нему за благословением.

На чем основана философия просветления в суфизме? На двух принципиальных для суфийской доктрины моментах. Адепты считают, что пророк Мухаммад достиг просветления после нескольких лет аскетической практики в пещерах Хизр, когда к нему прикоснулся ангел Джабраиль (Гавриил). От этого образца и практика интенсивного самосовершенствования в суфизме. Второй момент вытекает из основной доктрины в исламе, учения об Аллахе как о Всевышнем. Ислам как мировая религия характеризуется концепцией полной и абсолютной трансцендентальности Истины, то есть Бога. В упорной борьбе с язычеством, идолопоклонством, персоналистскими доктринами ислам пришел к следующему пониманию: Бог един, одновременно Он один, Он над пространством и временем, мысль человека никогда не достигает сущности существования. Любое умственное представление о нем есть только субъективное представление (то есть образ) и не более. («*Субханалла*» – Бог выше того, что вы приписываете ему (Коран)). Он творец многих миров, вселенных, следовательно, Аллах является сокровенным единством множества миров. Он живой Бог, следовательно, Он – великий

источник, Жизнь – его энергия, сила и воля. Он создал вселенную словом «Будь», значит, все существующее – материализация Его Слова, воли. Он причина всякой причины, однако для него нет никакой причины, Он беспричинен. Он есть начало и конец мира, также любого явления, однако для него нет ни начала, ни конца. Он объемлет всякую вещь знанием, значит, Он абсолютное всегда, всюду и везде присутствующее сознание Космоса. Творец «видит» мир, мир есть реализация его видения. Он «видит» каждого человека, человек существует только потому что его видят и знают. О Нем нельзя думать ни как о мужчине, ни как о женщине, ни как о единстве мужского и женского начал. Он не порождает, у него нет ни супруги, ни сына, ни дочери. Он есть глубочайшая основа существования, сокровенная суть того, что осознается как Есть! Все из него выходит и к нему возвращается. Он есть безграничный океан сознания. Он есть Свет над Светом, сила всякой силы. Любовь и красота изошли из него, поэтому любовь есть стремление к совершенству. Он был до форм и пребудет после форм, поэтому слова, образы бессильны передать Истину. Океан сознания, то, что нельзя описать ни количественно, ни набором качеств. Больше большего, меньше малого... Человек есть капля, возвращающаяся в океан изначального света. Капля сливается с океаном – с этого представления и начинается суфийское понимание просветления. Суфизм отличается как внутренний путь тем, что допускает просветление, то есть слияние капли с океаном.

Это постижение – Он был до форм и пребудет после форм – требует внелогического внезапного проникновения в неопишное. Тем самым подчеркивается, что мышление человека носит знаковый, оформленный характер, следовательно, оно ограничено по своей природе.

Духовное постижение (путь сердца – марифат) начинается с обуздания чувственного и абстрактного мышления, *понимания* его относительности. Когда в медитации мышление внезапно прекращается, человек в неопишности мгновения как бы ощущает Нечто, присутствующее за всеми понятиями, образами. Ощущение Нечто пронизывает человека как вспышка молнии. *Марифат* как мистическое познание начинается с этих духовных озарений. Так начинается путь к просветлению. Чтобы добиться устойчивости пути суфий практикует медитации, *вирд* – рецитацию молитв и священных имен, *зикр* – мистериальные медитации, сублимирование – постоянное одухотворение любви и посвящение ее Богу.

Просветление – окончательное слияние с океаном Света, знания, прекращение незнания, неведения, обусловленности – главная цель суфийского поиска.

В «Хикметах» Ахмеда Яссави достаточно подробно описаны и *шаригат*, и *марифат*, и *тарикат*, и *хакикат* как этапы пути. Каждая поэма передает то или иное из десяти экстатических состояний, в которых обычно находится продвинутой суфий.

«Диуан Хикмет» в значительной мере были написаны суфием после постижения просветления в подземной мечети.

* * *

Возраст пророка – 63 года – великая и значимая веха. В рамках этого возраста почти полностью исчерпывается миссия любого человека на Земле. На этом рубеже у человека не остается никаких иллюзий насчет себя, он подводит

итоги. В 63 года завершилась великая миссия Хазрета Мухаммада. За 23 года деятельности было совершено небывалое: в прочный союз объединены сотни доселе враждующих арабских племен, низвержено идолопоклонство, создано великое государство, сформирована многочисленная община на принципах этики Моисея – *шаригата*, народам дана новая мировая религия с учением о едином трансцендентальном боге – Аллахе. И все это было совершено человеком, который в недавнем своем прошлом был одиноким неграмотным пастухом! Нет величайшим пастырем народов! С каждым веком все глубже и масштабнее будет открываться смысл деяний пророка Мухаммада. И первыми это по достоинству оценят гении человечества: И. В. Гете, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. Эйнштейн.

В глубоких раздумьях Яссави все яснее осознает, что за деяниями Хазрета Мухаммада стояла высшая сила. Несомненно, пророк был введом! Несомненно, Коран есть откровение Небес. Суфий не должен в этом сомневаться.

Значение Корана. Громогласно подтверждена Истина трансцендентального единства космоса как Абсолютного Сознания. Человеку напеминается о завете Адама с Аллахом, об обязательном воздаянии за дела и мысли, об уникальности и ценности жизни, об обязательности Добра, о возвращении к истоку жизни, о наказании и спасении. Коран подтверждает истинность Ветхого Завета, Псалмов и Евангелия. Предостерегает о недопустимости изменения сакрального имени Бога. Коран учит, что иудеи и христиане – люди Священного писания.

Коран – экстатическая книга. Всей своей ритмикой, интонацией суры ведут ищущего к состоянию, аналогичному тому, когда в пещере Хызр Мухаммад увидел ослепительно сияющего ангела, и перед его потрясенным взором Вселенная открылась как Книга!

Он был введом! И однажды Ахмед Яссави услышал голос, который повелел ему спуститься в подземную мечеть для длительной медитации и выполнить это как основной обет жизни. Прощаясь с солнцем, с любимым городом, с взволнованными дервишами-учениками, окидывая замутненным взором окрестности, суфий внезапно вспомнит ту самую минуту в далеком прошлом, когда на базарной площади встретился взглядом с Арстан-бабом. А еще невнятно оживет в памяти урючная лунная ночь, порывистый шелест листвы, полеты и переходы сна и призрачного, как будто из другого мира, постукивание сквозь маету: «Пора!.. Пора!.. Вставай... Проснись...».

Постижение судьбы в мгновении! Как будто Нечто разом отделилось от тела, от забот личности и проникновенно взглянуло на мгновение, на жизнь человека, непрерывно переходящую в прошлое, и поняло существование как повествование, как течение слов Книги Бытия.

Суфий замер, поставив ногу на глиняный порог кельи, и вновь оглянулся на провожающих. Как он сейчас любил солнце, ясный день, залитое светом пространство жизни! Внезапно он ясно осознал, что жизнь есть чудо, эти взирающие на него люди – тоже чудо. Неисповедимость мгновения, которое вспыхивает в твоём сердце, как трепетная молния, как блаженство и боль узнавания! Светлая жгучая волна прилила к груди, поднялась к глазам. Суфий стоял, поднимая руки к глазам. Все в нем как бы содрогалось, взрываясь неслышными внутренними вспышками. Он едва удерживался от желания упасть на колени. Сами собой губы шептали: «Шукур Алла... Шукур Алла... Поразителен твой день откровения... Поразителен

твой свет, переполняющий грудь любовью. Воистину жизнь чудесна! Чудесны все эти создания, живые существа. Благодарю и благославляю, и уповаю. О, не напрасно было сотворено все сущее! Шукур Алла...»

Сквозь слезы, сквозь туман волнения он увидел мальчика-послушника, который стоял впереди толпы дервишей. Подросток был донельзя худенький, сквозь кожу лица проступали и как бы просвечивали все косточки. Однако глаза сияли истовыми черными угольками, и было призрачное мерцание вокруг головы.

В эту минуту как бы наитием за спиной мальчика увиделись бесконечные ряды людей, ряды, вереницы, колонны, уходящие в океаническую даль будущего. И эти необозримые ряды, гряды ликов с верой, с устремлением смотрели на него. Они, эти люди, потомки, явятся в этот мир. Они неизбежно будут явлены жизнью, судьбой, они будут действовать. Они все – посланники. Каждый человек – посланник. Но не каждый помнит. В забытье дневного сна не превратят ли они питающий их свет и сок во тьму изрыгнутого зла, позора, не залыют ли они обильную Мать-Землю кровью и слезами униженных, оскорбленных? Ради них, ради преемственности Добротолюбия во имя примера Хазрета Мухаммада ты должен войти в обиталище мрака, вступить на стезю подвига, Ахмед Яссави. Таково веление пророка, весть Арстан-баба. И суфий более не колебался.

Подземная келья. К ней ведет узкий в человеческий рост коридор. Само помещение едва вмещает одного человека. Вверху в купольном потолке небольшое отверстие для воздуха. Ночью пламя коптилки устремляется к проходу, и кажется тогда – некое существо возносится к небесам. В келье, кроме коврика для намаза, коптилки больше ничего нет. От зари до глубокого заката подвижник пребывает во вневременном состоянии глубокого безмолвия, а также *в вирде*. Глубоко ночью суфий на час выходит на поверхность, чтобы совершить омовение, размять онемевшее тело. В это время он принимает скудную пищу. В течение этого часа ученики спешат услышать от него наставления по практике. Шыракшы меняет масло в коптилке, бережно сворачивает свиток с очередным «Хикметом», накануне созданным святым.

Медитация. Подвижник уже не нуждается во сне. Многочасовая медитация иного сознания заменяет отдых сна, а зачастую переходит в видения необычайной яркости, сложности, многомерной изменчивости. Эти состояния иногда напоминают обычный сон, но они уже сном не являются, ибо в них всегда в той или иной мере сохраняется сознание, которое отдает себе отчет в том, что происходит, ибо это самоосознающее себя в видениях сознание. Переходя из одного сложного состояния видения в другое, еще более удивительное, сознание постепенно, а иногда внезапно открывает, что это ничто иное как разные миры и переходы между ними. Миры как разные фазы единого сознания!

Утром суфий смыкает глаза, регулирует дыхание, постепенно погружается в растворяющий ритм *вирда*, затем незаметно проявляется полет в неизвестность, летят, ширятся, распахиваются пространства, открываются великие горизонты, за которыми угадываются другие, еще более загадочные; вместе с картинами Бытия волнами накатывает *ракат* – Блаженство. Великая неизвестность, неизъяснимый благоуханный свет растворяют, очищают душу, поднимают на волнах могучего духовного экстаза. Времени нет, тела нет, нет субъекта, объекта, физических ощущений, сознания отдельного существа. Вдруг ослепительная вспышка. Исчезновение как неимоверный свет, как интуиция. Затем следует исчезновение

самого исчезновения как акта сознания. Сознание отсутствует полностью. Вместе с тем есть Нечто абсолютное в своих могучих повсеместных вибрациях. Это невероятное неопишемое состояние полного духовного экстаза – подлинного существования – *раката*, когда единичное полностью растворяется во всеобщем, не имеет ни начала, ни конца, ни верха, ни низа, ни центра, ни края, ни правого, ни левого, ни малого, ни сознания малого, ни сознания большого, ни сознания существования, ни сознания несуществования. Если бы в этом состоянии сохранилась хотя бы частичка «я» как мысли, ощущения индивида, это было бы относительное умозрительное состояние, и вовсе не *ракат* – экстаз переживания слияния с Целым, Абсолютным.

Когда сознание личности возвращалось в обычное «я», Ахмед Яссави спрашивал себя, а было ли оно – это переживание полного *раката*, если контролирующего сознания в нем не было, нечем было отметить, зафиксировать состояние, и в то же время знал, что это было, ибо все его существо, вся его душа помнили глубину и мощь *раката*, силу его ритмов, бездну и высь полетов. Он был насыщен до глубины – потому знал, все его тело источает благоухание, а сердце млеет от восторга и благодарности.

Подвижник хорошо понимал, что никакое земное состояние, никакие удовольствия ни в коей мере не сравнятся с тем, что происходит в *ракате*, когда Все есть Все, когда Все есть абсолютный свет, невысказанное сияние, нечеловеческое блаженство, когда Бытие есть сама чистота.

Каждый новый *ракат* придавал суфию дополнительные силы, убежденность. Он чувствовал, что перед ним открываются врата в Великую беспредельность миров. Семь долин, семь миров должна пройти душа суфия, прежде чем достичь Врат Истины. Великий суфий Фариддудин Аттар описал эти запредельные миры в своей поэме «Парламент птиц». Однако ведь эти неопишемые миры каждый может видеть по-своему, ибо душа – это око. Значит, описания – суть метафоры, говорящие о возможности иных возвышающих состояний.

Выходя из медитации, суфий обнаруживал, что прошел весь день, а ведь в погружении течение времени не ощущалось, в *ракате* понятие времени отсутствовало совсем. И он поразился качеству этого открытия. В разных мирах, по сути, в разных фазах Сознания время течет по-разному. Мгновение *раката* как бы сворачивало в клубок многочасовой день. В медитации исчезало время, совершенно менялся характер сновидений. Подвижник понимал, что он становится жителем миров, и это потому, что изменился его внутренний мир.

Он вспомнил полузабытый опыт его дервишеской молодости. В те годы он жил в Бухаре и учился в медресе под руководством шейха Хамадани. Это случилось вечером в келье ученика. После долгого повторения *вирда* он вдруг погрузился в странное состояние как бы раздвоения. Вдруг после свиста в ушах и легкого толчка он почувствовал отделение и увидел себя – свое физическое тело, сидящее со скрещенными ногами, увидел это со стороны. То была удивительная минута! Он сидел, повторяя *зикр*, и в то же время он сам стоял рядом и разглядывал самого себя. Это длилось с минуту, затем вернулось обычное восприятие. Однако ни забыть того, что определенно случилось с ним, ни понять толком этого в те годы он не мог. Спросить у учителя не осмелился. Теперь же, через многие годы, он, старый суфий, наставник многих мюридов, понимал смысл открывшегося. Человек как субъект есть иллюзия, на самом деле человеческая форма сознания

состоит из множества форм сознания. Пробудившееся сознание «видит» себя как единство множества сознаний. Кто это поймет, тот поймет основное.

Иногда после затяжной медитации сознание личности в форме «я» терялось настолько, что, вновь обретая его, дух потрясался великим и чудесным фактом своего существования в отдельном субъективном «я». Возвращаясь из Великой неизвестности, сознание концентрировалось, собиралось во взгляде, направленном на ритуально сложенные ладони, – оно обретало локализацию, как бы вновь очерчивало себя в земном мире, и в эту минуту вновь вспыхивало удивление перед необъяснимым чудом.

Ты есть, ты есть в самом Есть, Есть необычайно глубоко, оно вбирает и то, что, кажется, есть, и то, чего, кажется нет, оно – основа существования в виде пронзительного улавливания Есть – всегда нечто за актами мысли, за мыслями, за паузами, за молчанием. Оно всегда неожиданно, как неожиданна молния из-за туч. Поэтому подлинное открытие того, что Есть, есть чудо. Если сознание открыло эти поразительные состояния светового обнаружения Есть – Хак, то есть вспышки озарения стали спонтанными, то это значит, что душа соприкоснулась с сиянием Вечности, с сиянием того, кто над всеми измерениями всех тлетворных миров.

По щекам старого суфия текли слезы. То были слезы счастья, упования, веры. Он начал внутренне понимать смысл аятов, которые говорили: «Аллах есть! Он есть Свет над Светом!»

Следуя наставлениям учителя шейха Хамадани, он погружался в бездну особой практики – *мохасебе-йе-тариқати*. Смысл этой практики заключался в необходимости вспомнить всю свою жизнь во всех мельчайших подробностях от первых дней пробуждения сознания до настоящего момента. Хотя раньше он неоднократно подвергал себя этой практике, ему никогда не удавалось довести ее до конца – всегда что-нибудь мешало. Теперь же в условиях полного затворничества он без помех мог проводить эту психологическую работу. Нужно было вспомнить каждый день жизни со всеми подробностями и деталями. Это поначалу казалось невозможным, но с течением времени (на *мохасебе-йе тариқати* ушло не меньше двух лет) суфий обнаружил, что память значительно улучшается, сами собой неизвестно как и откуда всплывали совершенно забытые картины прошлого: детства, юности, молодости, зрелости. Его кидало то в жар, то в холод, Невидимая сила как будто с высоты ясно и четко показывала дни его жизни, то останавливая течение событий, то ускоряя ленту видений, при этом глубина понимания постоянно возрастала. Эта показывающая и разъясняющая события сила и была тем самым Нечто, неизвестностью, одновременно в какой-то части она была и им самим, личностью, проносясь над пространством судьбы, сознание Нечто могло войти в какой-нибудь эпизод жизни, вновь пережить его со всей иллюзией реальности происходящего, затем выйти из понятой ситуации и полететь дальше, как бы паря на крыльях. Перед взором подвижника проплывали, проходили картины и сцены его жизни, и вдруг он начал ощущать, и это чувство было поразительно глубоко, что все происходящее – это повествование, его судьба, как бы рассказанная им самим, развернутая в повествование-судьбу, вписана в другую большую книгу, книгу Единого Бытия, которую «видит» и читает Нечто. И это повествование внутри Повествования нельзя было остановить, оно кипело в мгновении настоящего и тут же уходило в прошлое, чтобы стать историей – *тариқати*, оно текло из будущего, которое на самом деле было невидимым Большим настоящим из

Единого повествования. Все это можно почувствовать во всей феноменальности происходящего, как бы мгновенно отстранившись от себя – субъекта и слившись с Нечто как с наблюдателем.

Прошлое, настоящее, будущее разделены только в сознании мыслящего человека, в медитации они видятся как единый процесс, льющийся из Великой неизвестности, в озарении они кажутся Великим Настоящим. Пораженный суфий спрашивал себя, где же его воля, его влияние, его выбор в том, что уже существует как судьба помимо его желания или нежелания, и призрачный как бы бесплотный голос отвечал, что только подлинное интуитивное спонтанное переживание, что ты на самом деле есть Нечто свободное, неизвестное, бесстрашное, безграничное, дает возможность проникновения в понимание того, «что есть судьба», предопределенное и абсолютно свободное, что проблема выбора, проблема судьбы как преопределенного, несвободного существует с существованием маленького «я», и как только исчезают импульсы маленького «я», с ними вместе исчезают все проблемы, все неведение, все страхи.

И однажды подвижник почувствовал, что заветный миг приближается. Тем не менее, это случилось внезапно. Вспыхнул ослепительный свет, произошло как бы «отделение» от «я», и с высоты духовного воспарения Нечто увидело жизнь Ахмеда Яссави от начала до конца, до дня погребения. С огромной скоростью проносились в поле внимания события жизни, сплетаясь в целое, в характер, в судьбу, в нечто осмысленное, целостное, прозрачный голос за плечом рассказывал захлеб. Это было похоже на сумасшествие, на бред в жарком угаре приступа, одновременно с происходящим усиливался свет понимания и проникновения в суть великого. Смысл открывался все глубже в массе подробностей. Видящий видел себя, мальчика, урючное дерево, кипящую базарную площадь, шейха Арстанбаба, косточку хурмы, всплывающую в удивленно разинутый рот, упокойную – *жаназу* по учителю, огромное тело в саване, световой рывок души вверх; вновь проносились перед глазами дни странствия, паломничества: Бухара, Самарканд, Шираз, Багдад, Басра, Медина, Мекка; извилистые, словно жилы, караванные тропы; багряные волны великих пустынь, синь неба, бирюза моря; пространства, озвученные, оживленные людьми, вплетенные в полотно повествования человечества, толпы паломников, лица, молодые, зрелые, старые, глаза, черные, голубые, карие, зеленоватые, глаза представителей всех рас, всех народов; с упованием, мольбой, надеждой, истовым ожиданием, с восторгом, с любовью, с сомнением, с немимым вопросом, с пытливым интересом, с любопытством, с потрясением, замороженные, удивленные, с доверием, глаза – олицетворенные души кружили и кружили вокруг гигантского куба Каабы; и вновь мечеть, медресе в Бухаре, *жаназу* по шейху Хамадани, вот уже он сам, имам в Бухарской мечети с проповедью перед мюридами, поднимается кочевое тюркское море на севере, востоке, и он уже в Яссы среди тюрков, только что обращенных в ислам, вечное солнце над городом и отвесно уходящая к горизонту степь, и опять калейдоскоп событий, молитвы, ночные медитации, высокий поднебесный *азан*, *вирд*, бьющийся у сердца, рывок времени – и он уже у порога кельи, прощание с учениками, прощание с городом, с солнцем, с днем, сердце в горячих струях, черные, словно угольки, глаза мальчика – послушника, мир, отраженный в чистых очах; рванулась лента из будущего – и вот оно – пронзительное чувство вечности в мгновении: мир, вся Вселенная есть единая картина, история, увиденная кем-то, и ты, существующий

в этом видении, как возможность встречи... Жизнь есть энергия и сила Его видения... Неведение и несвобода многих и многих заключается в их животном сне, непонимании, что в каждом человеке есть великое Нечто, бессмертное, единое, чудесное, оно и есть основа – жизнь. Освобождение начинается не только с понимания этого, но скорее – с обретения внутреннего осознания Нечто.

Освобожденный знает: судьба – это только роль, жизнь – театр, мироздание – единое повествование.

Прошло еще восемь лет непрерывной аскетической медитации в подземной мечети. *Ракат* стал постоянным. Более того, суфий освободился от привязанности к блаженству. Он был захвачен потрясающими картинами открывающейся вселенной. Он испытывал особую радость от познания, и к этому нельзя было привыкнуть, потому что полет каждый раз переживался, как будто это было впервые.

В тот день он почувствовал, что окончательно освобождается от страхов и забот существования. Суфий уже более не испытывал озабоченности по поводу существования – он стал Им. Многочасовые медитации уже не утомляли и не изнурили его. Он мог много дней обходиться без сна, пищи, отдыха. Дух его неутомимо познавал глубины космоса.

Это произошло на восьмой год основной практики *мохасебе-йе-хакики* (прославления Бога – Аллаха как высшей Истины, Единства, Средоточия Жизни, Красоты, Любви, Совершенства, Великой Неизвестности). Ему показалось, будто некая Огненная птица ринулась на него с высоты, пронизала его, и он вскрикнул, загорелся, воспламенел, окрылился, ринулся в полет световой птицей, вдруг распался на сонмы таких же птиц, реющих сквозь собственный полет, разлетающихся и одновременно возвращающихся к Единству; в единое мгновение он пережил жизнь всей вселенной, всех существ, в умопомрачительной сложности и немыслимой взаимосвязанности все происходило само собой: рождались, росли, умирали существа, осуществлялись судьбы, вмиг из зерна, семени вырастали деревья, созревали, обволакивались веками, тысячелетиями, тяжело падали в прошлое, а навстречу рвались уже другие создания; бушевал лес жизни, одно переходило в другое; он был и бабочкой, и растением, овеванным полетом бабочки, и колосющимся ростком, и всем багряно-золотым закатным полем, и ветровыми волнами, волнующимися на просторе; он реял, он витал, опадал листопадом, шумел, низвергался дождем, рвался вверх, вдруг стоико разбежался по окоему, проживал одновременную жизнь множества существ и вновь собирался в одно, неудержимо стремящееся вверх, в еще более истовое сияние, затем к какое-то мгновение Великая Неизвестность пронизала его, бросила в исчезновение, затем исчезло и исчезновение: в полном безмолвии и Абсолютном Ничто происходило все...

Глубоко ночью отворилась дверь кельи, и потрясенные шыракшы и ученики увидели старца с озаренным золотым светом лицом, сияние исходило от всего тела суфия, оно интенсивно родником било из глубины существа, некогда бывшего Ахмедом Яссави.

Примечание: суфийский орден Яссавия сыграл основную роль в обращении турков Средней Азии и Казахстана в ислам.

